PG3476
.P617
P62
1923

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

ПОД ЗАМЕННЫМ ДОЖДЕМ

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА
1923

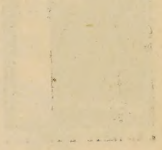
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.P617
P62
1923

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008846742

ОБЛОЖКА РАБОТЫ
НИКОЛАЯ АКИМОВА



Главлит № 436. Тираж 1000 экз.

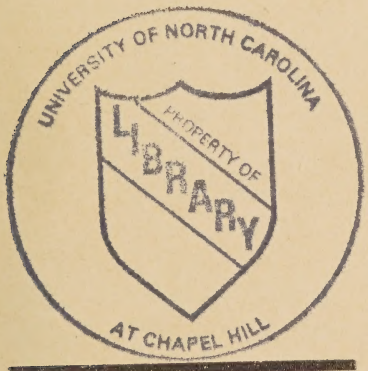
Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Пл. Урицкого, 10).

PG3476
.P617
P62
1923

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

ПОД КАМЕННЫМ ДОЖДЕМ

1921—1923



ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА
ПЕТЕРБУРГ
1923

POD KAMENNYM
DOZHDEM 1921 - 1923
(TYSIACHA DEVIATSOT DVADTSAT' ODIN
TYSIACHA DEVIATSOT DVADTSAT' TRI)

Am. Monal
19 1/2 26

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/podkamennymdozhd00polo

Что Талия, Евтерпа, Мельпомена?
Нам зрелища готовит Дух Восстаний.
Покуда не свершится Перемена,
Ни масок, ни котурнов, ни ристаний!

На улицы! По камням и асфальту
Тяжелые грохочут фигуранты.
Нам предстоит рекорд смертельных сальто!
Здесь Революция! Играйте, музыканты!

Для празднества не пожалеем свечки,
Зажжем дворцы, как мириады плошек,
Чтоб пулеметы били без осечки,
Чтоб щелкали чугунные ладоши!

А ты тверди вполголоса, негромко,
Свидетельства о баснословной были,
Чтобы сказали мудрые потомки—
Не видели! Не слышали! Но были!

Одни роптали, плакали другие,
Закрыв лицо, по каменным церквам...
Но старый бог смиреннейшей России,—
Он предал вас, он не явился вам.

Так некогда на берегу Днепра
Священный истукан вы призывали втуне
И, гневные, пророчили—Пора!
Пора быть чуду! Выдыбай, Перуне!

ПЕТЕРБУРГ.

I.

Что крыльев бабочки трепещущую сеть,
К бумажному листу насильно пригвожденной,—
Так сердце города ты можешь рассмотреть
Под смертным острием иглы позолоченной.

А там безмолвие кричит на площадях
Гортанью сдавленной и ртом обледенелым;
За сломанной стеной там стражу держит страх,
В звериной шкуре, с человечьим телом...

Пусть ветер повлечет по улицам пустым,
Пусть покружит тебя по мерзлым перекресткам,
Чтоб ты насытился и опьянился им,
Дыханьем полюса и ночи смертоносным!

И остановишься, и будешь неживой,
Обрушишься, как труп, стремительно и сразу,
Когда из темноты, внезапно, за тобой
Покажется ревя прожектор одноглазый.

II.

...И в глазах у всей столицы
Петушок вспорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел:
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился...

П у ш к и н.

Спят победившие; что им в победе?
Подле солдата голодная мать...
Рокотом трубным и голосом меди
Будут столетия их прославлять.

Кто ж это тайно по городу бродит
В мантии рваной, с дырявым лицом?
Метит крестами и мелом обводит
Камень за камнем, дворец за дворцом...

Или считает хозяин кровавый
Пришлых наследников в мутную рань—
Дерзких правителей из-за заставы,
Сброд разночинный, фабричную рвань...

—«Выпито, с'едено все государство,
Все потерял я, а сколько имел...
В черной дыре мое пышное царство,
В низком подвале средь тлеющих тел.

Что ж, и последних пора уничтожить,—
Город мятежников, город Не Тронь;
Яд не поможет, железо поможет,
А не поможет—поможет огонь!

Будут вам вопли, и стоны, и скрежет,
Будет набат колокольный в ночи!
Радуйтесь! Всех, кого нож не дорежет,
Жалую властью своей в палачи!» —

Спят победившие, спят, не услышат,
Сломлены сном, как трухлявая трость...
Только петух запевает на крыше,
С дальней слободки непрошенный гость.

Слушай, бессонная красная птица,
Сторож, дозорный, патруль, часовой!
В цепкие руки попала столица—
Вот он колдует, не мертвый, живой...

Трижды пропой! прокричи свое время!
Сядь ему на плечи, бей, что есть сил
Клювом колючим в плешивое темя,—
Криком пронзительным, взмахами крыл

Дальше гони его,—пусть в агонии,
Ветром взметенный, уносится прочь
Дальше, все дальше по дебрям России,
В страшную, в черную, в вечную ночь!

III.

Играет медь. Идут полки.
Веселый ветер рвет знамена.
Пылайте, алые значки!
Бунтуй, бунтарь неугомонный!

По слову дерзких бедняков,
Мечтателей, безумцев книжных,
Здесь в силу воплотилась кровь
И солнце встало неподвижно.

А ветер с моря сердце рвет
Пустой и суетной надеждой,
И медь торжественно поет,
Как смерть проста и неизбежна.

О, Революция, о Книга между книг!
Слепили кровь и грязь высокие страницы
И, как набат, звучит твой яростный язык,
Но нет учителя, и некому учиться.

Не в зареве домов за письменным столом,—
На черной площади, под барабанным боем
Мы книгу грозную, как знамя, понесем,
Но святотатственно ее мы не раскроем.

Какая истина в твоей неправде есть?
Пустыня странствия нам суждена какая?
Сквозь мертвые пески, сквозь Голод, Славу, Месть
Придем ли наконец к вратам небесным рая?

Но все уже равно. Блистательной судьбы
Не избежать стране, тобой благословенной.—
О как счастливы мы! Как нищи! Как слабы!
Счастливей не было и нет во всей вселенной!

Строитель великого братства,
Ты можешь довериться нам.
Мы знаем,—молчи, не лукавствуй!—
На крови построится храм.

Огромные здесь расстоянья
И люди здесь редко живут,
Не глиной скрепляются зданья,
Не камень в основу кладут.

И скажут веселые внуки—
«Все это уж было не раз;
Железные надобны руки
И зоркий, уверенный глаз»

Смешалось все. Года войны...
Губительные дни разгрома...
И память царственной страны—
Испепеленная солома!

Но усмиряет день за днем
Слепых и помнящих обиды,
И с тайным ропотом кладем
Мы кирпичи для пирамиды.

Умрем, развеемся, как прах,
Как пыль людской каменоломни,—
Чтоб силой грозною в веках
Воздвигся памятник огромный!

И вот лопаты землю бьют
В ночи душистой и весенней,
И охраняет мирный труд
Стена колючих заграждений.

БАЛЛАДА О БЕГЛЕЦЕ.

Памяти побега П. А. Крапоткина.

У власти тысяча рук
И два лица.
У власти тысяча верных слуг
И разведчикам нет конца.
Дверь тюрьмы,
Крепкий засов...
Но тайное слово знаем мы...
Тот, кому надо бежать—бежит,
Всякий засов для него открыт.

У власти тысяча рук
И два лица.
У власти тысяча верных слуг,
Но больше друзей у беглеца.
Ветер за ним
Закрывает дверь,
Вьюга за ним

Заметает след,
Эхо ему
Говорит, где враг,
Дерзость дает ему легкий шаг.

У власти тысяча рук,
Как божье око она зорка.
У власти тысяча верных слуг,
Но город не шахматная доска:
Не одна тысяча улиц в нем,
Не один на каждой улице дом,
В каждом доме не один вход—
Кто выйдет, а кто войдет!

На красного зверя назначен лов,
Охотников много и много псов,
Охотнику способ любой хорош,—
Капкан или пуля, облава иль нож,—
Но зверь благородный, его не возьмешь.

И рыщут собаки, а люди ждут—
Догонят, поймают, возьмут, не возьмут...
Дурная охота! плохая игра!
Сегодня все то же, что было вчера,—
Холодное место, пустая нора...

У власти тысяча рук
И ей покорна страна,
У власти тысяча верных слуг,
И страхом и карой владеет она...
А в городе шопот, за вестью весть—
Убежище верное в городе есть...
Шныряет разведчик, патруль стоит,
Но тот, кому надо скрываться, скрыт.
Затем что из дома в соседний дом,
Из сердца в сердце мы молча ведем
Веселого дружества тайную сеть,
Ее не нащупать и не подсмотреть!

У власти тысяча рук
И не один пулемет,
У власти тысяча верных слуг,
Но тот, кому надо уйти,—уйдет.
На Север,
На Запад,
На Юг,
На Восток
Дорога свободна и мир широк.

STERBSTADT.

К. Федину.

Охотник испытанный, мастер ловли,
Войди, если хочешь, в город мой,
Не для обмена и не для торговли—
Редкую дичь унесешь с собой.

Он поплатится жизнью, тот, кто тронет
У орлицы птенца и волчат у волчиц,
Но тебе не придется бежать от погони,—
Человечий детеныш дешевле птиц!

Видишь, стены разрушены, сброшены крыши,
Из труб дымовых не восходит дым,
Никто не увидит и никто не услышит,—
Логово голода стоит пустым.

Нагнись и возьми его прямо с пола,
Голой рукою его возьми,—
Это наследник законный и голый
Тех, кто когда-то звался людьми.

Увидишь глаза, нежнее меда,
Тощее тельце и жадный рот,—
Славно кусается эта порода,
Нескоро царапина заживет.

И отведи его в свой дом,
И с ним останься сам,
И ухо нежное гвоздем
Приколоти к дверям,

И хлеба дать не позабудь,
И не забудь воды,
И место, чтобы отдохнуть,
Ему укажешь ты,

И чтобы научился он,
Как люди, жить в дому,—
Из человеческих имен
Ты имя дашь ему.

Будешь ты болен тяжко и долго,
(Лучше бы в сердце метнули нож!)
Степи Башкирии, Дон и Волгу
С мальчиком вместе в дом возьмешь.

Вот он, обугленной, злобной России,
Матери мертвой, пронзительный взгляд...
Горе! Вздымаются космы седые...
Руки иссохшие небу грозят...

Вижу по русской земле волочится волочица:
Тощая, с брюхом пустым, с пустыми сосцами...
Рим! Вспоминаю твои известковые стены!

Нет, не волчица Россия, а щенная сука!
След от кровавых сосцов по сожженному полю,
След от кровавых сосцов по сыпучему снегу...
Тем, кто ей смерти искал, усмехнувшись от уха
до уха,
Тем показала она превосходный оскал революций.

Легко зачать, но трудно будет мне,
Чтобы дитя из семени созрело!
Пока мужчины бьются на войне,
Здесь женщины заканчивают дело.
Пусть соленый пот
По лицу течет—
Это не в нашей воле.
Новый родится род
Из напряженья и боли!

ОКТЯБРЬ.

I

Была ли злоба больше, чем любовь,—
Не знаю, но сильней была обида:
Она копилась тысячи веков,
И каждый день был в месяц Эвменидам.

Сын говорил отцу—мы завтра отомстим!
И пела мать—настанет час расплаты...
Счастливым—горе! Горе золотым!
Серебряным! И трижды смерть богатым!

И в напряженьи распростертых крыл,
Покинув землю меда, слез и млека,
Корабль Октябрьский мужественно вплыл
В свинцовый воздух будущаго века.

II

Торжественные дни. От ночи до утра,
От утра до ночи колеблются знамена.
То Революции веселая игра,
То фейерверк Ее, бумажная корона!

Но будничный Ее угрюм и страшен лик,
В крови Ее рука, и в копоти, и в поте.
Она работница, и каждый с Ней привык
К необходимейшей и тягостной работе.

Прославим же, друзья, безхитростную рать
Тех, что трудились с Ней и тяжело устали,
И с Марсовых полей уже не могут встать,
Тех, кто убит, и тех, что убивали.

III

Так значит ты думаешь,– это конец,
И земля неподвижна под нами...
Раскаленная лава! Топленый свинец!
Тронь рукой,—и покажется пламя.

Есть еще чердаки и подвалы,
И богатые особняки!
Еще чернаго хлеба мало!
Еще много белой муки!

Еще нищий липнет у каждой булочной...
Шныряет карманщик в трамвайной давке...
Еще не наглядится мальчишка уличный
На все чудеса игрушечной лавки...

Еще не все передохли безногие,—
Веселая память Великой Войны,—
Еще проститутками сделались многие
Гражданки свободнейшей в мире страны.

Еще мертвой хваткой сжимают предместия
Горло городу;—видишь?—взгляни:
В ожиданьи короткой, единственной вести
В каждом доме потайные скрыты огни.

II.

Не укротишь меня ни голосом, ни взглядом,
Пока—жена и муж—с тобой не ляжем рядом,
Пока не отдохнем бок о бок, грудь к плечу.
Мне пресно сладкое, я горечи хочу!

Бьет дождь в лицо, и ветер бродит пьяный,
Но я хочу, и я тебя достану.
Дождем и радугой в меня средь ночи внидешь
И ты лицо мое воистину увидишь:
Люблю, и Мертвое во мне прорвалось море!
Бей, дождь, и ветер, буйствуй на просторе!
Вся выжжена душа, и ждет она, алкая,
Как черная земля, пустая и сухая,
И каплю каждую, взыскательны и грубы,
Надтреснутые жадно примут губы.

Что мне за дело, кстати иль некстати..
Пускай люблю и пусть не любит он!
Пусть серп и молот грозною печатью
На горизонте дней напечатлен!

Зеленый полумесяц мне дороже,
Шехерезады сказочный восток,—
Там женщина к возлюбленному может
Старуху верную заслать под вечерок.

Она придет и скажет—«Гость красивый,
Твой черный глаз красавицу пронзил.
Болезнь тяжка, и будет справедливо,
Чтоб тот, кто ранил, рану исцелил.

Вы поглядите взглядом любопытным
Продолговатых и смущенных глаз,
Но тайное уже не будет скрытным,
И я дождусь, и я увижу вас.

Я вас куплю за пятьдесят червонцев,—
Клянусь Аллахом!—славная цена!
А над Невой пускай восходит солнце,
Над городом, где буйствует война.

Не любишь ты, а я люблю, и тяжек
Неопыленный цвет на древе бытия.
Он упадет, и пустоцветом ляжет
На книгу новую любовь моя.

И выпьют мед, Сафо, тугие пчелы,
А строки, может быть, другую опьянят:
С любовью легкой, пряной и веселой
В нее войдет моей печали яд.

А мне—Нева, великолепье мира,
Стихов магически определенный счет,
Да то еще, что золотая лира
Оттягивает слабое плечо.

Л. Берману.

Веду опасную игру,
За словом—мысль, за мыслью—слово;
Сегодня, завтра, поутру
Сорвусь и начинаю снова.

Так на канате танцовщик,—
На тонкой ниточке мечтаний,—
Скользить уверенно привык
Под марш и плеск рукоплесканий.

Но есть закон для ремесла
И есть судьба у лицедея:
Мой друг, такого то числа
Сломаю непременно шею.

Хотя бы нас сожгли и пепел был развеян
Из орудийных жерл в пространства вечной тьмы,—
Мы с жизнью договор наследственный имеем
И добровольно с ней не разойдемся мы.

Калеки—ползаем, безрукие—хватаем.
Слепые—слушаем. Убитые—ведем.
Колеблется земля, и дом уже пылает—
Еще глоток воды! под каменным дождем...

И поцелуй еще! Уже стучат винтовки...
— Пора! Прощай!—Прощай! И сына мне оставь,
Чтоб мог ты умереть, конец плотской веревки
Узлом бессмертья туго завязав!

ВЫКУП.

В жилах чугунных застыла вода,
Город в осаде у снега и льда.

В низкой пещере, не в доме людском,
В низкой пещере приют мой и дом.

Дни беспокоюсь и ночи не сплю,
Голого мальчика грудью кормлю.

Страшен мне шорох, страшна тишина,
Поступь тяжелая близко слышна.

Вот он ползет над страною моей,
Запах сладимый и хруст костей.

Матери! встанем живым кольцом!
К злобному чудищу встанем лицом!

Первая я выступаю вперед:
— «Кто за детеныша выкуп берет?

Тело за тело и кровь мою,
Я за ребенка замену даю,—

Радость очей моих, чернь моих кос,
Светлое утро и запах рос.

Буду старухой и буду слепой!
Больше не смейся и песен не пой!»

Не стало нежности живой
И слезы навсегда иссякли.
Теперь одно: кричи и вой!
Пылайте словеса из пакли!

Пока не покосится рот,
И кожа на губах не треснет,
И кровь соленая пойдет,
Мешаясь с безобразной песней!

III.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Принесла кукушка чужого птенца,—
Родился ребенок, а нет отца.

Деревянную люльку качай, качай!
Успокойся, сын, успокойся, бай!

Детский клюв клюет сухую грудь,
Матери некогда, нельзя отдохнуть.

«Ты не ешь, не спи, сам я буду спать.
Береги меня! Береги меня, мать!»

«Кукуленок проклятый, оборотень злой,
Я ударю тебя о косяк головой!

Я уйду от тебя, пропади совсем!
Будешь ты неподвижен, будешь нем!»

Но жалобно смотрит синий глаз,
И смиряется сердце (в который раз!)

Беспомощно тянется жадный рот.
Большеротый, крикливый,—присосался, пьет...

«Спи, мое дорогое, спи—живи!
Я тебя охраняю всей злобой любви!»

ПЕСЕНКА.

Выпал снег. Застыла речка.
Зябнут лапки у котят.
Рыжий котик топит печку,—
Славно искорки трещат.
Посидим, сыночек, тише:
Видишь—хвостик... и глазок...
Это серенькие мыши
Подошли на огонек.
И моргая усом черным,
Словно гость из дальних стран,
К месту теплому проворно
Подкатился таракан.

И его пугать не надо,
Никого из них не тронь.
Ведь и мы сегодня рады,
Что на свете есть огонь.
Даже Муза-недотрога
Встала около меня.
Потеснись, дитя, немного,
Дай ей место у огня.

БОГ ОГОНЬ.

Были ночи темны и дни темны,
И снега, и льды, и мороз...
Поселились мы в сердце волчьей страны,
Где не знают фиалок и роз.

И кроткого бога забыли мы,
И молиться не стали ему,—
Никому не помог он средь зимней тьмы,
И помочь не мог никому.

И другой нам стал появляться бог
В мутных сумерках зимнего дня,—
Добродушно—вкрадчив, но зол и строг—
Древний праотец, бог огня.

Он закинул в унынье тесных лачуг
Свой веселый и красный глаз.
Покорми его—будет преданный друг;
Страшен гнев его среди нас.

Но ему одному мы верны теперь,
Охраняем его очаг,
Нам не страшен ни холод, ни лютый зверь,
Ни голодный и хитрый враг.

Наши дети растут, как гнездо волчат,—
Крепки лапы, а зуб остер,
Говорят немного, а больше молчат,
Поединком решают спор.

Если гибнет кто—человек или конь,
Если кто провинился,—знай,
Их тела поедает бог огонь,
А душа улетает в рай.

О злобная земля! И в этот страшный год
За прежние она обиды воздает.
Но много ли, дитя, и нужно нам с тобой?
Я норку теплую храню, как зверь лесной.
А бедный ужин наш? Легко его нести!
Но крепко для тебя держу его в горсти.
Пригоршней малою продержимся к весне...
И жалость с нежностью сжимают горло мне.
Лишь ты, Завистница, дитя мое не тронь.
От страха зимнего поможет бог Огонь
Да руки сильные,--тебя они шутя
От смерти унесут и упасут, дитя.

АГАРЬ.

Над Сирийской пустыней пылает восток.
Сохнет ветер в безогненной гари.
И пронзительно сухи, как горький песок,
Исступленные вопли Агари.

Спит дитя безмятежно и дышит оно
В раскаленном дыханьи пустыни,
Но обидою смертной до края полно
Непокорное сердце рабыни.

—«Сарра! Сарра! Счастливая! Горе рабе!
Проклинаю тебя, проклинаю!
Черной язвой кидаюсь на тело тебе
И питье твое в кровь превращаю!

Иль я хуже тебя, иль тебе не равна
В муже, в мальчике, в первенце, в сыне?
Над тобою, законная мать и жена,
Посмеялось отродье рабыни!

Что же, думаешь—ты своего оградишь,
Моего оторвешь и изгонишь?
Гнется трость и ломается слабый камыш!
И змею безнаказанно тронешь!

Пусть замкнет твое чрево карающий бог,
Чтобы муж твой напрасно с тобою возлег,
Чтоб сухой ты смоковницей стала!
И как сына наложницы бог поразит,—
Так и твой первородный пусть будет убит,
Чтобы семя бесплодно пропало!»

И кидается на земь, и клонится ниц,
И царапает землю ногтями...
И внезапно над ней в полыханьи зарниц
Чей то голос громовый и пламя:

—«Встань и слушай, Агарь! За твой стыд и позор
Я—Возмездие, Мститель Незримый,—
Заключаю отныне с тобой договор
На века и века нерушимый.

Вот я воду тебе из безводья извлек,
Чтоб дитя ты в изгнаньи взрастила—
Будет сын твой отважный и славный стрелок,
И узнают враги Измаила.

Увеличу его, как песок морской,
Как небесные звезды умножу,
И двенадцать великих племен за тобой
С твоего да подымутся ложа.

А законного сына заставлю Я Сам
Сорок лет проскитаться в пустыне,
И на долгие годы и годы отдам
На посмешище детям рабыни!»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

	стр.
Что Талия, Евтерпа, Мельпомена	7
Одни роптали, плакали другие	8
Петербург:	
I. Что крыльев бабочки трепещущую сеть .	9
II. Спят победившие	10
III. Играет медь, идут полки	13
О Революция, о книга между книг	14
Строитель великого братства	15
Смешалось все. Года войны	16
Баллада о беглеце	17
Sterbstadt	20
Вижу, по русской земле	23
Легко зачать	24

ОКТЯБРЬ:

I Была ли злоба больше, чем любовь 25
II Торжественные дни 25
III Так значит ты думаешь 27

II.

Не укротишь меня 31
Бьет дождь в лицо 32
Что мне за дело 33
Не любишь ты 35
Веду опасную игру 36
Хотя бы нас сожгли 37
Выкуп 38
Не стало нежности 40

III.

Принесла кукушка 43
Песенка 45
Бог Огонь 47
О злобная земля 49
Агарь 50

246508/9-77

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Петроград, Думская ул., 5.